

Мирра Блайт

Посланец небес

Мирра Блайт
Посланец небес

1972

Блайт М.

Посланец небес / М. Блайт — 1972

Молодая очаровательная медсестра Анна Фаррел, расторгнув свою помолвку, уезжает из Лондона в загородное поместье, чтобы забыть все неудачи в личной жизни и пожить в тишине и покое. Там она в качестве частной сиделки ухаживает за старым больным хозяином, постепенно становясь и его секретаршей, и компаньоном, и другом. Все хорошо, ее устраивает подопечный и сама эта жизнь в деревне, но идиллию вдруг нарушает неожиданно появившийся сын хозяина, который не виделся с отцом много лет. Вспыхнувшая страсть бросает друг к другу Анну и Эдвина, но тут вмешивается ее коварная соперница... Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мирра Блайт

Посланец небес

Сидя с открытой книгой в руках, Анна не видела четких черных букв. Она видела лицо Энтони, дорогого, милого Тони, замужество с которым казалось неизбежным. Они знали друг друга с детства, и сколько она себя помнила, все вокруг полагали, что они созданы друг для друга. И они сами, не говоря друг другу об этом ни слова, тоже так считали. В прошлом году, когда ей стукнуло двадцать два года, вдруг посмотрев однажды на своего друга с его добродушной улыбкой, неизменной любезностью и бескорыстием, Анна поняла, что не может выйти за него замуж. Какая-то частичка ее души жаждала той безмятежности и безопасности, которую он мог ей дать, но это была слишком малая частичка, и Анна сказала Тони о своем решении.

Лучше не вспоминать, как он расстроился. Это были нелегкие времена. Мать была очень опечалена. «Дорогая, – театрально говорила она каждый Божий день, – вы так подходите друг другу». «Оба такие скучные», – слышалось Анне. Мать умела обидеть. Дочь старалась не обращать внимания. Она росла, постоянно испытывая на себе все прелести неумного, буйного характера матери, которая относилась к ней с чрезмерной заботой, доходившей иногда до страшно обременительной мелочной опеки. Но в глубине души она понимала, как мать любит ее, и знала, что никогда не станет ей врагом.

Анне не хотелось расстраивать мать, рассказывая ей о своих трудностях, сомнениях. Нужно было справиться самой. Очевидно, она не создана для любви, если не смогла заставить себя полюбить такого человека, как Тони, человека, который был так добр и заботлив. Скорее всего, причина только в ней.

Глава 1

Окрестности Брайдвуд-хауса были восхитительны. Ухоженные, выхоленные, словно над ними работали бесчисленные садовники, поляны в летнем огне цветов: желтых, красных, синих, разбросанных в яркой зеленой траве живописным ковром. Ряды подстриженных деревьев, аллеи, так же безупречно ухоженные, с бесчисленными каменными ступеньками и фонтанами на лужайках.

Анна, проведя здесь девять месяцев, не переставала удивляться и восхищаться. И дело не только в размерах дома и усадьбы, хотя она и правда не видела раньше ничего подобного, просто все вокруг радовало глаз.

Однако хозяин всей этой красоты, пожилой джентльмен Джулиус Коллард, обращал мало внимания на окружающий пейзаж.

Сейчас он бушевал по поводу своего сына, от которого неожиданно получил письмо. Анна почти не слушала его, не придавая особого значения этому событию. Проработав здесь столько времени, она, казалось, знала его сына так же хорошо, как себя, и все, что она слышала о нем, отнюдь не было приятным.

– Кто он, собственно говоря, такой! – недовольно ворчал пожилой человек в инвалидном кресле. – Ни одной весточки за столько лет! Ни письма, ни даже рождественской открытки. И вдруг информирует, – информирует меня! – что надумал приехать! Нет, о чем он думает! Ответь мне?

Анна улыбнулась, глядя на седой затылок, и тут же услышала уже в свой адрес:

– Прекрати улыбаться!

– А как вы узнали, что я улыбаюсь? – Если бы он мог повернуться и взглянуть на нее, то обязательно сделал бы это, но годы брали свое. Тело сделалось непослушным, хотя Джулиусу было только семьдесят лет.

– Не пытайся переменить тему!

– Я и не пытаюсь, возразила она, направляя инвалидное кресло к его излюбленному месту у фонтана. – Такое прекрасное утро. Зачем же раздражаться и портить его?

Подъехав к скамейке, она остановилась, села и подставила лицо солнцу.

Анна была высокой стройной девушкой с той белой кожей, которая совершенно не загорает. Обычно она надевала на утренние прогулки соломенную шляпу с широкими полями, но сегодня забыла ее, и было очень приятно ощущать на лице тепло солнечных лучей, хотя кожа и могла от этого покраснеть.

Джулиус Коллард был стар и одинок. Он давным-давно рассорился со своим единственным сыном, остальные родственники уже умерли.

Поначалу симпатия к нему и чувство юмора помогали Анне справляться с его несносным характером, но теперь они привыкли друг к другу. Она полюбила старого чудака и знала, что нравится ему, хотя время от времени доставалось и ей.

– Не хочу видеть его! – Голубые глаза сверкали от гнева. – И на порог его не пущу, натравлю на него собак.

Он, конечно, перепугается до смерти, едва увидит двух наших беззубых и слепых чудовищ.

– Нужно было отделаться от этого бездельника давным-давно, – пробурчал Джулиус. – Но я был старым сентиментальным дураком и теперь расплачиваюсь за свою близорукость. Ладно, натравлю на него Эдну.

– Это будет лучше. – Анна улыбнулась. Эдна, главная экономка, была куда яростнее этих собак. Когда дело касалось ее самой, она становилась настоящим драконом.

Чем бы ни была вызвана вражда между отцом и сыном, Джулиус, ругая его, никогда не называл причины, видимо, не желая вспоминать прошлое. В доме не хранились фотографии младшего Колларда. Был он высоким или низким, толстым или худым, блондином или брюнетом? Она не знала. Мысленно Анна нарисовала себе его портрет: лет сорока с небольшим, полноватый, как всякий преуспевающий мужчина, любитель вкусно поесть и выпить. Точно она знала лишь, что он надменен и груб – об этом говорили все. Вполне возможно, теперь он просто уставший, заваленный делами бизнесмен, слишком гордый, чтобы вернуться в родной дом. Кто знает? Может быть, он женат и у него двенадцать детей. Джулиус никогда об этом не рассказывал, а она не спрашивала, зная, как иногда раздражает и бывает неприятно чужое любопытство. Анна еще хорошо помнила алчное любопытство некоторых своих так называемых друзей, которые пытались выведать подробности ее неудачной личной жизни. Они называли это заботой, но она прекрасно знала, как обстояло дело в действительности. Почему – то многие люди не могут сдержать своего любопытства к чужой беде.

Джулиус не расставался с письмом сына весь день, и когда в десять часов вечера Анна укладывала его в постель и уже собралась выйти из спальни, он достал письмо и с хмурым видом помахал им в воздухе.

– Конечно, в моем возрасте не стоило бы так реагировать, проворчал старик. – Нужно относиться к вещам проще, не принимать все так близко к сердцу. Да ты и сама знаешь и твердишь мне о моем артериальном давлении при всяком удобном и неудобном случае.

– Подобные разговоры и раздражение не идут вам на пользу, – мягко сказала она. – Может быть, он и не приедет. Разве в письме сказано, когда он собирается приехать?

– Эдвин не так многословен. Наверное, знает, тогда я позабочусь, чтобы дом был заперт и заколочен. Он написал лишь какую-то чепуху – якобы хочет обсудить со мной какие-то дела. Что можно обсуждать по прошествии стольких лет? Двенадцать лет, если точно. Что нам обсуждать?

Анна нахмурилась и ненадолго задумалась.

– Кто знает? Во всяком случае, не следует особенно беспокоиться. Даже если он приедет, я уверена, вы найдете его совершенно не таким, каким запомнили. В конце концов, люди меняются. Жизнь перемелет кого угодно.

– Прекрати философствовать. Ненавижу, когда люди начинают философствовать на пустом месте.

Она рассмеялась и ласково похлопала его по руке.

– Спите. Желаю вам проснуться в лучшем настроении.

Анна спустилась в гостиную и, уютно устроившись в уголке дивана с книгой в руках, закрыла глаза. Эти вечерние часы стали приятной привычкой. Подруги, с которыми она регулярно виделась по выходным, постоянно спрашивали, как она может после Лондона жить в заточении, в деревне. Они не понимали, какое спокойствие царит в Брайдвуд-хаусе, как хорошо гулять на чистом, свежем воздухе, когда вокруг нет машин. В Лондоне она проводила немало времени, навещая подруг. Большинство ее подруг работали в больших переполненных лондонских больницах, и она прекрасно знала, от чего уехала, хотя, говоря по правде, ее работа в больнице не была столь уж обременительной. Просто личные причины перевесили. Может быть, со временем начнет скучать по больничной суете и вернется. Но сейчас она прекрасно ладила со своим подопечным, да и все остальное подходило как нельзя лучше.

Она захлопнула книгу и принялась бродить по гостиной. Взгляд скользил по стенам, отделанным старинными, в стиле восемнадцатого века, деревянными панелями, по длинным, до самого пола, шелковым занавескам цвета слоновой кости, по мраморному камину.

Несмотря на то, что она значилась в доме частной сиделкой, на самом деле она скорее исполняла обязанности секретаря и компаньонки. Джулиус был болен, но не настолько, чтобы требовался специальный медицинский уход. Нужно было лишь следить, чтобы он вовремя при-

нимал лекарства, чтобы не поднималось давление. Единственное, в чем он действительно нуждался – в заботе и внимании. Нужно было гулять, разговаривать с ним, помогать ему писать исторические заметки. Это могло бы наскучить, будь на его месте кто-нибудь другой, но Джулиус был умен и требователен к себе. Пока у них не возникало никаких проблем.

Мысли вернулись к Колларду-младшему. Невидимое присутствие Эдвина в Брайдвуд-хаусе ощущалось даже после стольких лет отсутствия, хотя Джулиус, скажи она об этом, непременно разбушевался бы. Он считал сына никчемным человеком и впадал в ярость при одном упоминании его имени. Но чувствовалось, что это просто незаживающая рана.

Иногда казалось, что Эдвин не может быть таким плохим, как рисовал его Джулиус, но иногда она злилась на этого незнакомого ей человека, который причинил своему отцу столько горя. Каким же сыном нужно быть, чтобы все порвать и уйти без оглядки?

Анна понимала и жалела Джулиуса. Своего отца она помнила смутно. Он ушел от них, когда она была совсем маленькой. Ушел точно так же, без оглядки. Долгое время она думала, что, может быть, сама в чем-то виновата, чем-то обидела его? Отец так много значил для нее, занимал в ее жизни места ничуть не меньше, чем мать. Но родители не могли больше жить вместе. Конфликты, ссоры повторялись так часто, что разрыв стал неизбежен. Может быть, он ушел оттого, что она такая тихая и робкая? Позже она, конечно, поняла, что думать подобным образом было глупо, но самые худшие детские подозрения простирались далеко за пределы здравого смысла. Она не понимала тех, кто мог бросить семью так, как это сделал сын Джулиуса Колларда. Лишь однажды Джулиус обмолвился, что развелся с женой давным-давно и что Эдвин уехал с ней на ее родину в Италию. Не из-за этого ли возникла между ними такая пропасть?

Анна взглянула на часы и удивилась – шел уже двенадцатый час ночи. Захлопнув книгу, она поспешно поднялась, подумав, что не дочитает ее, наверное, никогда.

Вокруг царила абсолютная тишина. Кроме нее и Джулиуса в доме жили лишь Эдна и ее муж Том, работавший садовником. Остальные были жителями окрестных сел и приходили на день, заканчивая работу к вечеру, расходились по домам.

Вдруг раздался громкий стук в дверь. Один раз. Потом еще.

Анна не была трусихой, но остановилась в нерешительности. Открыть дверь самой или позвать Тома? Слишком поздно для гостей, но грабители тоже вряд ли будут стучать, перед тем как ворваться в дом. Поздний час, вокруг дома тишина и безлюдье. Она стояла, закусив губу, но третий сильный удар, угрожавший разбудить весь дом, заставил ее подойти к двери.

Она осторожно приоткрыла дверь и тут же в страхе попыталась захлопнуть ее. На пороге стоял высокий мужчина, просто излучавший опасность. Однако от толчка дверь распахнулась. Удар был так силен, что Анна отлетела назад, в холл, даже не вскрикнув от страха; у нее перехватило дыхание.

При ярком свете она разглядела нежданного гостя, и ощущение опасности усилилось. В дверях возвышалась долговязая сильная фигура. С первого же взгляда посетитель производил впечатление человека, которому невозможно перечесть.

А что если это грабитель?

Анна обхватила себя руками, стараясь унять дрожь, и глядела расширившимися от страха глазами.

– Если вы пришли грабить, то ошиблись адресом, – проговорила она как можно более резко. – В доме две свирепые собаки.

Вдруг она поняла, что не может отвести взгляда от незнакомца. У него было удивительное лицо: прямой заостренный нос, черные брови сошлись над переносицей. Лицо было угловатым, жестким, неприятным. Серые глаза смотрели пристально и враждебно, но рот был неожиданно чувственным. Он был в черных брюках и черном свитере.

Может быть, в джинсах и рубашке он не выглядел бы таким страшным, неожиданно для себя подумала Анна.

– Неужели? – Ироничный глубокий низкий голос с небольшим акцентом. – Я уже имел удовольствие встретиться с вашими свирепыми собаками. Они проводили меня до двери.

– Кто вы?

Она, конечно, уже знала. В первый момент от толчка, от страха помутилось в голове, но он заговорил и тут же стало ясно, что это Эдвин Коллард.

– Я – сын Джулиуса Колларда, – холодно сказал он, засунув руки в карманы. Оглядел ее, потом взгляд скользнул по комнате и вновь вернулся к ней. Анну охватило сильное волнение. – Ведь ты уже догадалась, правда? Я вижу это по твоему лицу. Значит, отец получил мое письмо.

– Вас здесь не ждут, – слова вырвались помимо воли, и она тут же испугалась сказанного. Глаза гостя сузились, и она почувствовала, как краснеет под его испытующим взглядом.

– Ты, должно быть, Анна Фаррел. – В голосе не было и намека на вежливость. – Заботишься о моем отце.

Что-то заставило ее осторожно поднять глаза. Ощущение было такое, будто она ступает по минному полю, и ощущение было не из приятных.

– Да, я работаю у него, сказала она тихо. – Я его личная медсестра.

– Я имел в виду другое. – Он направился к входной двери, но на полпути обернулся с холодной улыбкой. – Мне нужно принести чемоданы из машины. Не вздумай закрыть за мной дверь, я перебужу весь дом.

Анна ничего не ответила. Она по-прежнему была в состоянии близком к шоку, в которое ее привело это неожиданное вторжение. Эдвин Коллард словно материализовался в тот самый момент, когда она думала о нем. Очень скоро шок пройдет, и она сможет воспринимать его более адекватно. Когда их обучали специальности медсестры, не последнее место уделялось умению владеть собой. Сейчас ей это пригодится.

Он вернулся с рыжевато-коричневым чемоданом, со стуком поставил его на пол и негодуя посмотрел на нее.

– Я не собираюсь тащить это наверх, я не носильщик, – заявила она и удостоилась еще одного холодного и ироничного замечания:

– Кажется, я и не просил об этом. Или у тебя способности не только к ведению хозяйства, но и к чтению мыслей?

– У меня нет никаких таких способностей, – быстро и невнятно проговорила она, но он уже повернулся и быстрым шагом направился в гостиную, разглядывая все вокруг. Не оставалось ничего другого, как поспешить за ним.

– Ты не можешь просто так бродить здесь... – начала Анна, стараясь не отстать. Он резко обернулся и холодно посмотрел на нее.

– Почему?

– Потому что... – не зная, как остановить гостя, от страха она начала заикаться, – потому что... уже поздно. И если хотите увидеться с отцом, лучше приехать завтра. Обычно он встает в половине десятого. Я передам, что вы приехали.

– Ты хочешь сказать «предупрежу его»? – На губах появилось некое подобие ледяной улыбки. – Нет, спасибо.

Эдвин сел, вытянув перед собой оказавшиеся очень длинными ноги, и заложил руки за голову.

– Такое чувство, будто никогда отсюда и не уезжал – Он говорил как бы про себя, снова обводя комнату глазами, подмечая каждую деталь. Ничего не укроется от взгляда этого человека, подумала Анна, и от этой мысли стало не по себе.

– Здесь ничего не изменилось. Даже картины висят там же, где и раньше.

– Ничего не изменилось, – кивнула Анна, все еще стоя у двери.

– Я рад, что приехал так поздно.

Анна удивленно вскинула голову. Никого вокруг. Никого, кроме тебя. У нас есть возможность поболтать. В словах и тоне было столько высокомерия и пренебрежения, что она вздрогнула.

Этот человек был не только неприятен, но и опасен. Как раз из тех, безрадостно подумала она, кого я всю жизнь старательно избегала. Ее отец тоже был надменным человеком. Но красивым, и женщин тянуло к нему, как магнитом. Много лет она загоняла детские воспоминания в самый дальний уголок своей души, пока наконец не захлопнула туда дверь и, как полагала, не выкинула ключ. Но теперь эти воспоминания вдруг нахлынули вопреки ее воле. Воспоминания об отце, обвинявшем мать в изменах, об их бурных ссорах, когда они даже не пытались понизить голос, крики матери, что больше ей ничего не остается, когда он у нее за спиной занимается тем же самым. Почему-то присутствие Эдвина Колларда спровоцировало эти воспоминания.

– Ты очень заботишься о моем отце, правда? – Голос заставил вернуться к действительности.

– Да. Вышло так, что я очень привязалась к нему.

– Я так и понял.

Она бросила на него настороженный непонимающий взгляд, и он снова холодно улыбнулся.

– Ты спрашиваешь, откуда мне это известно? – Но Анна молчала, с каждой минутой все больше нервничая.

Где же все мое умение владеть собой, так необходимое сейчас? Напряжение нарастало.

Многие годы она училась следить за выражением своего лица. Пациенты не должны догадываться о том, о чем им знать не следовало, врачи – о том, что их мнения не совпадают. Всегда внимательная, всегда осторожная, сейчас она стояла, покраснев, чувствуя неловкость.

– Ангус Мак-Брайт, – бросил он, словно это все объясняло. Но она продолжала смотреть на него в замешательстве.

– Ангус Мак-Брайт сказал вам... Что? – Мак-Брайт был старым другом Джулиуса. Работал адвокатом в Мидлсбро и всегда заезжал навестить его, если ехал по делам на юг, что, впрочем, бывало не часто. Он нравился Анне – маленький сухощавый человек с плутоватым лицом, у которого не хватало мужества бранить друга за то, что он губит себя, уединившись в Брайдвуд-хаусе.

– Он написал о тебе.

– Никак не думала, что вы поддерживаете связь с кем-то из знакомых отца.

– К каким еще умозаключениям относительно меня ты пришла?

– Это не всеобъемлющее умозаключение, – возразила Анна. – Это лишь следовало из слов вашего отца.

Серые глаза сузились, превратившись в щелочки, и она снова залилась краской. С ним нужно держать ухо востро, чтобы не попасть впросак.

– Итак, вы с отцом подолгу беседовали обо мне. Как это мило.

– Не вижу в этом ничего особенного, даже если так было бы на самом деле.

– Неужели? Меня не проведешь, нечего прикидываться ребенком. Ладно, чтобы ты не очень смущалась, скажу тебе вот что. Отец очень богат, и ты это знаешь. Этот дом – лишь малая толика из того, что принадлежит ему. Его дома разбросаны по всему Лондону, и к любому из них можно прицепить ценник с внушительной цифрой.

Анна не дала ему закончить. Гнев помог стряхнуть оцепенение и стеснительность. Уперев руки в бока и злобно глядя на этого надменного брюнета, она накинулась на него:

– Значит, по-твоему, мне нужны деньги твоего отца? Эти слова оскорбили бы меня, скажи их кто-нибудь другой. Но ты, по-моему, просто не имеешь права врываться сюда и тем

более в чем-либо обвинять меня. Это ты не переступал порог дома Бог знает сколько лет. Вряд ли можно назвать тебя любящим сыном.

– Ну-ну, продолжай, поделись своими умозаключениями о моем характере, – проговорил он сквозь стиснутые зубы.

– А зачем? – также враждебно спросила Анна. – Что-то не заметила, чтобы ты делился со мной какими-нибудь своими умозаключениями.

– Не люблю навязываться. Не забывай, моя фамилия Коллард.

– Какой очаровательный способ представляться. Ты всегда так любезен?

– Вовсе не обязательно быть любезным, когда имеешь дело с такими, как ты. Грубость – единственное, что понимают женщины твоего типа.

– Женщины моего типа?! – вскричала Анна. Еще никому никогда в жизни не удавалось так разозлить ее. Она всегда была очень уравновешенной, никак не проявляла своего настроения. И всегда полагала, что показывать свои чувства вовсе не обязательно, а порою даже опасно. Если такое все же случалось, то это были скорее всего лишь отголоски ссор ее родителей, а не ее собственный характер. Детские переживания, конечно, не прошли даром. Но сейчас она крайне удивилась, как постороннему человеку удалось разозлить ее до такой степени. Хотелось схватить первый попавшийся под руку тяжелый предмет и запустить в него со всего маху. Анна несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь, а затем осторожно проговорила:

– Я не собираюсь все это терпеть. Ворвался сюда среди ночи и ведешь себя так, словно поймал меня при попытке кражи семейного серебра. К слову говоря, ты все-таки навязываешься. Не писал отцу долгие годы, не прислал ему за это время даже рождественской открытки и...

– Да, похоже, ты мастерица делать поспешные выводы, – сказал он убежденно.

– Твой отец рассказывал мне...

– Мне надоело слушать, о чем тебе рассказывал мой отец. Как только ты успеваешь заниматься делом, за которое тебе платят жалованье, в промежутках между вашими захватывающими разговорами?

– Уже поздно, – жестко сказала она. – Я иду спать.

Анна повернулась, но не успела дойти до двери, как ей преградили дорогу. Она даже не услышала шагов.

Бизнесмен, раздраженно подумала она. Этот человек – бизнесмен? Скорее – террорист.

– Ты никуда не пойдешь, пока я не закончу разговор.

– Пока ты не закончишь? – Ее длинные волосы были, как обычно вечером, заплетены в косу, лежавшую на груди светлым поблескивающим канатом. Она с возмущением отбросила ее назад. – Пока ты не закончишь? Да кем, собственно, ты мнишь себя?

– Тем, кого тебе следует бояться. Человеком, которого не тронут эти большие глаза и манеры больничной сиделки. Подозреваю, что, переступив порог этого дома, ты всегда вела себя именно так. Но я уже понял, что скрывается под личиной невинного ягненка. Удивительно, как это ты до сих пор не устроила отцу что –нибудь вроде гипертонического криза, чтобы он поскорее умер.

Это переходило всякие границы, но Анне никак не удавалось взять себя в руки. Не было сил даже возмутиться. Их глаза встретились, и она первой отвела взгляд. Слишком поспешно, но, казалось, сейчас она упадет в обморок. Голова кружилась, ноги сделались ватными.

– Ты слишком многого хочешь, – невнятно пробормотала она, и он подался к ней, словно пытаясь расслышать ее слова. Она слегка попятилась.

– Не понял?

– Давайте, я покажу вам вашу комнату, если уж вы решили остаться здесь на ночь.

– Ах да. – Он держался как ни в чем небывало. – И притом не на одну ночь. Я приехал на неопределенное время.

– На неопределенное время? – повторила она в замешательстве, и он улыбнулся, видя ее смущение.

– Ты находишь подобную перспективу привлекательной, не правда ли?

Привлекательной? Разве может быть привлекательным этот надменный тип?

– Но у вас не так много багажа, – тихо сказала она.

– В машине еще два чемодана. – В голосе снова послышалась насмешка. – И пока ты не разразилась очередной речью о том, что входит в твои обязанности, а что не входит, скажу: я не собираюсь заставлять тебя нести их в мою спальню. Мы не позволим марать эти белые ручки такой грязной работой.

– Но почему, – она сделала над собой усилие и оставила насмешку без внимания, – почему вы вдруг решили вернуться в Англию и, более того, остановиться в доме отца?

– По двум причинам, моя дорогая мисс Фаррел. Во-первых, я открываю здесь, недалеко от Брайдвуд-хауса, представительство своей компании.

– А во-вторых?

– А во-вторых, – подчеркнуто ласково проговорил он, и в голосе послышалась угроза, – потому, что я положил на тебя глаз. Но ведь сейчас мы не станем это обсуждать?

Глава 2

Анна не поняла, как ей все же удалось уснуть. Когда она наконец добралась до своей комнаты, ее просто трясло от гнева. Не припомнить, чтобы кому-нибудь удавалось так ее разозлить. Конечно, она потеряла контроль с самого начала, хотя всегда считала себя очень уравновешенным человеком, способным не растеряться в любой ситуации. Она забралась под одеяло, пытаясь заснуть, но хотелось кричать от отчаяния. Сон не шел, голова была полна мыслями об Эдвине Колларде. В конце концов она забылась, но проснувшись утром, не чувствовала себя отдохнувшей. Мысли, не дававшие покоя всю ночь, обрушились на нее с новой силой.

Нет, надо дать зарок и больше не позволять этому человеку так обращаться с ней. Вчера он застал ее врасплох. Она устала, была уязвимой и неспособной защищаться. Но сегодня она возьмет себя в руки и будет вести себя совершенно по – другому.

Анна оделась, тщательно расчесала волосы и уложила их в пучок на затылке – самая практичная прическа. Джулиус однажды сказал, что ему не по себе от мысли, что по дому будет расхаживать медсестра в накрахмаленном белом халате, и Анна никогда не носила форменную одежду. Не носила она и брюки или шорты, лишь юбки и блузы. И сейчас она извлекла из гардероба хлопковую бежевую юбку и блузку с короткими рукавами. Затем, не торопясь, занялась косметикой. Она сдерживала нетерпение и специально старалась задержаться в своей комнате подольше. Пусть не думают, будто ей очень хочется увидеть реакцию Джулиуса. Но на самом деле просто умирала от любопытства. Наконец она была готова и направилась по коридору в его спальню. Едва войдя в комнату, Анна поняла, что плохие новости уже известны. Занавески небыли раздвинуты, хотя каждое утро это было первым делом, и в комнате царил полумрак. Джулиус лежал в постели. Она осторожно приблизилась.

– Доброе утро, Джулиус, – весело сказала она и направилась к окну.

– Не беспокойся. Сегодня я не встану, – раздался сдавленный вздох.

Не обращая внимания на эти слова, она раздвинула занавески, и яркий солнечный свет залил комнату.

– Вставайте, – сказала она, лучезарно улыбаясь.

– И не подумаю. Внизу мой сын. Он отважился переступить порог этого дома. – Его лицо приняло скорбное, недовольное выражение.

– Я знаю, – тихо ответила Анна, переставляя на тумбочке какие-то пузырьки.

– Я знаю! – передразнил он. – Ты знала и ничего не сказала мне? – В голосе послышались капризные нотки.

– Ваш сын приехал вчера очень поздно. – Она старалась не дать неприятным воспоминаниям отразиться на ее лице. – Когда я уже собиралась ложиться.

– Это похоже на него, – Джулиус потихоньку успокаивался и обретал привычный раздраженный тон. – Это похоже на него, ни с кем не считаться. Так похоже на него!

– А откуда вы узнали о его приезде? – Она стала складывать книги в аккуратную стопку на длинном низком столе у окна.

– Эдна ворвалась сюда на рассвете якобы с хорошими новостями. Эта чертова кукла думала, я буду в восторге. Но ведь все годы я, по-моему, не скрывал своего отношения ко всей этой истории. Какая дура! Испортила мне весь день. Теперь я и к завтраку не притронусь и, конечно же, не стану спускаться, пока он не уберется отсюда.

Старик глядел на нее воинственно, и она постаралась ответить ему профессиональной успокаивающей улыбкой.

– Кажется, он не торопится уезжать. – Анна тщательно подбирала слова, но Джулиусом уже овладело воинственное настроение.

– Ничего, поторопится. – Он как-то комично взмахнул руками и крикнул: – Да, поторопится, когда я натравлю на него собак, Эдну... Полицию!

Конечно, полиция не станет вмешиваться и выдворять силой Эдвина Колларда только потому, что отец не хочет видеть его, подумала Анна, но удержалась от ответа.

– Нельзя оставаться в постели весь день, – спокойно сказала она. – Вы загрустите и будете плохо себя чувствовать. Давайте поедем на прогулку. Хотя было бы лучше погулять возле дома самостоятельно, немного размяться. Вы ведь знаете, доктора говорят...

– Даже не пошевелюсь. Мне нет дела, что говорят эти шарлатаны.

– Доктор Харман вовсе не шарлатан. Он сказал...

– Сказал, приказал... – раздраженно перебил ее Джулиус. – И не подумаю. Но почему я должен быть пленником в собственном доме. Это мой дом, черт побери! Как он смеет врываться сюда и заточать меня в спальне?!

– Все равно рано или поздно вам придется встретиться, – уже резко сказала Анна, – Он не похож на человека, который может уехать только потому, что его не хотят видеть. Да, это ваш дом, но что вы можете сделать? Вам все равно придется встретиться с сыном.

– Он сказал, зачем приехал? – теперь голос звучал тихо, сдавленно и Анна напряглась, с неприязнью вспоминая вчерашний разговор.

– Вы должны что-то обсудить. – Она потупилась, а Джулиус повернулся и зорко взглянул на нее.

– Марш отсюда! У тебя отпуск до тех пор, пока этот так называемый сын не уберется отсюда.

Расстроенная Анна вышла, тихо прикрыв за собой дверь, и направилась вниз. Озабоченно хмурясь, вошла на кухню и остановилась, как вкопанная. Все это время она убеждала себя, что Эдвин Коллард – самый заурядный человек, холодный, надменный, неприятный. Сейчас этот человек сидел за кухонным столом с чашкой кофе в руках в простой светлой рубашке с закатанными рукавами, обнажавшими сильные руки. В свете дня более явственно проступали присущие ему напористость и самоуверенность. Кожа темнее, чем показалась вечером: было видно, что он из южных стран. На смуглом лице светлые, холодные серые глаза светились как-то необычно.

Анна вздохнула, налила себе кофе. И лишь когда подошла к столу и села, услышала вежливое:

– Доброе утро.

– Доброе утро. – Голос прозвучал натянуто и неискренне.

Она чувствовала себя неловко под его испытующим взглядом и опустила глаза.

– Как спалось? – выдавила она и увидела иронично взлетевшие брови.

– Бывали ночи и поспокойнее. – Он отхлебнул кофе и посмотрел на нее поверх чашки. – Уверен, ты уже виделась с отцом и сообщила о моем приезде.

– Он уже знает. Эдна сказала ему.

– И как он на это прореагировал?

– Не могу сказать, чтобы он был очень доволен.

На какое-то время наступила тишина, но вдруг он улыбнулся, и улыбка оказалась такой обезоруживающе притягательной, что Анна еще больше смутилась и покраснела.

Улыбающийся, он еще опаснее, подумала она, я, пожалуй, предпочла бы ссору. И поспешила спросить:

– А где Эдна? – стараясь не поддаваться впечатлению, которое он произвел.

– Ушла в деревню. Отец не особенно рад моему приезду, но Эдна сочла, что свершилось возвращение блудного сына. Она пошла за продуктами, чтобы приготовить мои любимые блюда. Бог знает, как она их помнит. Такая память!

Итак, подумала Анна с грустью, грозная Эдна оказалась на деле безобидной, как котенок. Наверное, все женщины, столкнувшись с ним, становятся такими. Как, оказывается, трудно противиться такому обаянию.

– А где отец. – Вдруг он взглянул искоса, почти так, как это делал Джулиус. И тут же стал очень на него похож. – Прячется?

Поразительно, как это было близко к истине.

– Переживает по поводу вашего приезда, – уколола его Анна. – По-видимому, не хочет видеть вас. По крайней мере сейчас.

– Но ему придется встретиться со мной, нравится это ему или нет, – холодно сказал Эдвин. – Причем без посредника, даже такого, как ты. Тебе, конечно, доставит удовольствие беготня между нами, но я хочу видеть его лично.

– Трудно придумать что-нибудь хуже, чем посредничество между вами, – резко возразила Анна, чувствуя, как внутри рождается гнев. – Но я не позволю свалить на него ваши проблемы.

– А я, в свою очередь, не позволю тебе влиять на него.

– Вовсе не собираюсь влиять на вашего отца.

– Разве ты тотчас не побежала к нему, чтобы расписать меня в самых черных тонах?

Он спросил о моем впечатлении, и я лишь рассказала ему правду.

– Какую же, позвольте спросить?

– О чем вы расспрашивали, о том, как надменно и оскорбительно вели себя.

Хотелось разозлить его, но он остался невозмутим, и Анна неловко заерзала на стуле.

– Да, немногие женщины отзываются обо мне подобным образом. – Он спокойно глядел на нее.

– Правда? Значит, все они были близорукими.

– Может быть, это все же у тебя сложилось обо мне неверное представление. Но, так или иначе, ты в меньшинстве. Ведь ты не слишком хорошо разбираешься в мужчинах?

– Не собираюсь сидеть и все это выслушивать. – Анна поднялась, дрожа от гнева.

– Подожди.

– Нечего мной командовать! Нам вообще не о чем разговаривать.

Ясно, он специально искал ссоры и провоцировал ее. Но победило желание отстоять свое достоинство, прогнать с этого лица холодную оскорбительную усмешку. Она сжала кулаки и попыталась подавить гнев.

– Вы хотите узнать что-нибудь еще или я могу идти?

– Где комната отца?

Но уже в самом начале объяснений он перебил:

– Лучше проводи меня. Пришло время нам встретиться.

Анна кивнула, повернулась и стремительно направилась в холл, а затем вверх по лестнице в правое крыло дома, постоянно чувствуя за спиной его присутствие.

Дойдя до спальни Джулиуса, постучала, открыла дверь и остановилась на пороге. Стоя спиной, она не видела реакции Эдвина, но на лице старика появился испуг. Почувствовав себя лишней, Анна попыталась уйти, но Джулиус закричал:

– Ты куда? Я же сказал, что не хочу его видеть!

Эдвин промолчал, плотно сжав губы. Подошел к кровати и посмотрел на отца ничего не выражающим взглядом. Это было так непохоже на трогательную встречу отца и сына после долгой разлуки, что Анна решила все же войти в комнату и прикрыть за собой дверь.

– Тебя не хотят видеть здесь, – задыхаясь, проговорил Джулиус и кивнул Анне. Она подошла, и он крепко сжал ее руку. Это не укрылось от внимания сына. Его острый взгляд отмечал каждое их движение. Когда-нибудь все это будет использовано против нее.

– Мое больное сердце... – простонал Джулиус, – мое давление. Я не переживу этого. Потрясение убьет меня.

Он безвольно опустил на подушки, а Эдвин бросил на него недоверчивый взгляд.

– Я же написал и предупредил, что приеду. – Он снова взглянул на отца, который закрыл глаза и тяжело дышал.

– Может быть, вам все-таки лучше уехать, – вмешалась обеспокоенная Анна и потянулась к стоявшей у кровати сумке с лекарствами. Если у старика поднимется давление, Эдвину придется уехать, хочется ему этого или нет.

Он даже не взглянул в ее сторону.

– Ты получил мое письмо?

– Я посчитал это ошибкой. – Джулиус открыл глаза и с неприязнью посмотрел на сына. Теперь, когда они находились рядом, было очевидно их сходство, поначалу почти незаметное. Хотя Эдвин, с его бронзовой кожей, очень походил на иностранца, в выражении лица, в упрямом взгляде угадывалась порода Коллардов. Столкнулись два сильных характера.

– Я никогда не ошибаюсь, – Эдвин коротко взглянул на нее, но она хладнокровно выдержала его взгляд.

– И тем не менее, ты совершил ошибку, приехав сюда, – сказал Джулиус. – Ты не переступал порог этого дома долгие годы, и это вполне устраивало меня. Я вообще считаю, что у меня нет сына.

При этих словах на щеках Эдвина выступил румянец, но от неловкости или от гнева, трудно было понять.

– Нам обоим известны причины, почему я первым делом приехал именно сюда, – резко ответил он вдруг охрипшим голосом, – но мне не хотелось бы ворошить наше грязное белье в присутствии твоей медсестры.

– А почему собственно? Она значит для меня больше, чем ты.

– Опасная ситуация, не так ли? – мрачно сказал Эдвин. – Она лишь медсестра, и ее присутствие вовсе не обязательно.

– Прекратите разговаривать так, словно меня здесь нет! – взорвалась Анна и, повернувшись к Джулиусу, проговорила: – Ваш сын прав. Мне нечего здесь делать. Вы должны наконец поговорить спокойно и без по сторонних, Нам не о чем разговаривать. – Джулиус взглянул на сына и сжал руку в кулак. – Я не приглашал тебя. Не знаю, зачем ты приехал, и не хочу этого знать. При виде тебя у меня повышается давление.

Анна тут же померила давление и удивилась:

– Пока оно в норме...

– Это пока, – проворчал Джулиус. – Но оно поднимется, если придется и дальше терпеть присутствие моего сына.

Эдвин раздраженно цокнул языком.

– Мы слишком долго не виделись. Уверяю тебя, все могло бы разрешиться давным-давно, если бы ты так не сопротивлялся.

На смуглом лице было написано упрямство, и он никак не походил на человека, способного уступить.

– Могло бы разрешиться, но не разрешилось, – не сдавался Джулиус. – А теперь уходи. Я очень устал. И закрой дверь с той стороны.

Эдвин дернул головой, повернулся, вышел и закрыл дверь спальни.

– Ну что, – пробурчал старик, обращаясь к Анне – не стой с таким видом, словно тебе нечего сказать. И ради Бога, оставь в покое это одеяло! О чем ты сейчас думаешь? Могла бы рассказать мне об этом, а не стоять, поджав губы.

Анна, поколебавшись, ответила:

– Мне кажется, можно было быть с ним немного поласковее.

– Поласковее? Поласковее! Значит, он все-таки произвел на тебя впечатление? Ведь все дело в этом, сознайся?

– Не говорите глупостей. Никто не произвел на меня никакого впечатления. Просто я считаю, что лучше было бы принять его извинения.

– Зачем?

– Это могло бы стать началом перемирия между вами.

– Я могу обойтись без перемирия.

Анна пожала плечами, и Джулиус нахмурился.

– Он вовсе не собирается извиняться или исправляться. Тебя не удивило его желание поговорить со мной наедине? Как мне помнится, он назвал твоё присутствие необязательным.

Она потупила взгляд.

– Это меня не волнует.

– Но зато волнует меня. Если он приехал сюда, обеспокоившись, что ты заинтересовалась моими деньгами, то он напрасно тратит время. Я не собираюсь выслушивать эти бредни.

Анна удивленно вскинула голову. Она знала проницательность Джулиуса, но все же была поражена.

– Так значит, я прав?

– Как вы догадались?

– Подозреваю, что этот дурак Ангус написал ему о тебе. Он уже несколько лет старается нас помирить. Видишь, переписывается с Эдвином, пробуждает мой интерес и рассказывает об интересных событиях в его жизни. – Он усмехнулся. – Но я не из тех, кто может так быстро все забыть и простить.

– Вы – просто упрямый старик, – раздраженно проговорила Анна. – И слишком горды, что ж тут хорошего?

– А ты знаешь, мне все равно, что ты да и другие обо мне думаете. Ладно, теперь ты можешь где-нибудь поболтать.

– Вы не станете спускаться?

– Не сейчас.

– А как же завтрак?

– Принеси мне то, что приготовила Эдна. Я знаю, она ушла за продуктами. – Джулиус закрыл глаза. Это означало, что она свободна, и Анна тихо вышла из комнаты.

В коридоре около лестницы, прислонившись к стене, стоял Эдвин. Она попыталась пройти мимо, но он не собирался пропускать ее. Не говоря ни слова, схватил за руку и силой заставил остановиться. Это прикосновение подействовало странным образом. По руке побежали мурашки, стало трудно дышать, будто она преодолела длинную дистанцию.

– Я ждал тебя, – мрачно сказал он.

– Убери руки!

Эти слова произвели прямо противоположное действие – хватка только усилилась.

– Я наблюдал за вами и вижу, как отец заботится о тебе. Очень интересно. Ты, надеюсь, не возражаешь?

– Не знаю, что ты сделала, но тебе удалось основательно войти в его жизнь. Однако я не позволю воспользоваться этим.

Анна вспыхнула от гнева и несправедливости.

– Вы не имеете никакого права ни во что вмешиваться, мистер Эдвин Коллард. И все это совершенно не должно вас трогать. Не вызвано ли, кстати, такое внезапное беспокойство за отца тем, что вы испугались остаться без наследства? Конечно, это не мое дело, но разве не поэтому вы сломя голову бросились сюда, как только услышали обо мне?

Он плотно сжал губы.

– Ты права, это не твоё дело, но все же я постараюсь немного успокоить тебя. Мне не нужна отцовская недвижимость. У меня достаточно средств, чтобы самому покупать дома.

– Неужели?

– Ты удовлетворена? Или хочешь ознакомиться с моим банковским счетом?

– Вы решили, что я подумала... – Но тут он сильно дернул ее за руку.

– Держи свои соображения при себе, – проговорил он сквозь стиснутые зубы. – Ты всего лишь медсестра, не забывай. И здесь не для того, чтобы вмешиваться в дела, которые тебя не касаются. Твоя забота – следить за здоровьем моего отца, хотя удивительно, как ты с таким язычком до сих пор не свела его в могилу.

– Это просто возмутительно! – Ваши слова оскорбительны и несправедливы. – Анна пыталась не раздражаться, найти убедительные доводы и прекратить эти ненужные препирательства. – Мы хорошо ладим с Джулиусом.

– Слишком хорошо.

– Если вы хотите выгнать меня, то зря стараетесь. Мне нравится здесь, я люблю вашего отца, и это не имеет никакого отношения к его кошельку. Может быть, цинизм помогает вам в том мире, где вы живете, но здесь он совершенно ни к чему.

– Да? – Он на секунду задумался, опустив голову, и она коротко взглянула на это смуглое лицо. – Ладно, допустим, что так. Возможно, я ошибся, думая о тебе плохо. – Голос вдруг стал тихим и спокойным. – Должен заметить, когда ехал сюда, ожидал увидеть нечто иное.

Искушение было слишком велико, и она спросила:

– И кого же вы ожидали увидеть?

– Более сексуальную женщину, – лениво проговорил он, – более, так сказать, опытную. И, конечно же, брюнетку. Разве тебе не известно, что отца всегда привлекали темноволосые женщины? Это, наверное, станет пикантным дополнением к твоим наблюдениям.

В этом голосе и серых стальных глазах было что-то опасно гипнотическое.

– Откуда вы это знаете? – спокойно спросила Анна и отвела взгляд, боясь поддаться чарам.

– Он поделился со мной давным-давно в порыве откровенности. Мимолетная фраза, отложившаяся у меня в голове на долгие годы.

Вдруг где-то здесь лежит причина размолвки сына с отцом. Что же произошло тогда? Но она никогда не спросит об этом никого из них, хотя, скорее всего, само по себе это никогда не выяснится.

Взгляд стал пристальнее, и Анна почувствовала себя еще более неловко.

– И какие же у вас планы? – Она решила сменить тему и тон разговора.

– Тебе уже известны мои планы. Помимо всего прочего, у меня здесь работа.

– Прекрасно, – кивнула она. – Теперь я могу идти? Для вас, видимо, нормально обращаться со мной подобным варварским образом, но я бы предпочла, чтобы вы не распускали руки.

– Как скажешь. – Он отпустил руку, но не успела она сделать и шага, как услышала: – Но сначала... – резким быстрым движением он вытащил заколку из ее волос, и они, длинные, прямые, струящиеся, как шелк, упали каскадом ей на спину, – хочу посмотреть, так ли ты холодна и недоступна с распущенными волосами.

Анну бросило в жар, сердце бешено заколотилось, и впервые за все это время она не нашлась, что ответить. Молча повернулась и пошла прочь.

– Хочешь узнать мое мнение на этот счет? – услышала за спиной веселый голос.

Черт бы его побрал! Неужели он всерьез думает, будто его слова и поступки приятны ей? Шея до сих пор горела в том месте, где прикасались его пальцы, и хотя она не хотела себе в этом признаться, сердце стучало от опасного, постыдного волнения.

Глава 3

Весь день Джулиус не выходил из комнаты. Лишь к следующему утру ему удалось обуздать свой буйный нрав. Во всяком случае, войдя утром в его спальню, Анна решила, что кризис позади. Она положила одежду ему на кровать, и полчасика спустя он вышел одетый, несколько изменив свой обычный каждодневный костюм. На шее был повязан синий шелковый шарф, а удобные кожаные мягкие туфли, которые он обычно носил дома, были заменены светло-коричневыми ботинками, слишком нарядными, чтобы носить их каждый день.

Анна удивленно посмотрела на него, и он нахмурился.

– Что-нибудь не так? – проворчал он, но позволил взять себя под руку, когда они стали спускаться по лестнице.

– Вы выглядите франтом, – серьезно сказала Анна. – Куда-то собрались?

– Разве нельзя человеку одеваться дома хоть немного элегантно? Или это повод для саркастических замечаний?

– Я говорила серьезно.

– Однако я воспринял твои слова как насмешку, – продолжал он брюзжать, но вдруг улыбнулся. – Так где же он?

– Значит, вы хотели произвести впечатление на него?

– Вовсе нет, – чересчур энергично запротестовал старик. – Зачем? Я и видеть его не хочу.

– Я не знаю, где он.

Они пришли на кухню, и Анна стала накрывать стол к завтраку. Копченая рыба, бутерброды, кофе, сок. Джулиус сел за стол и внимательно посмотрел на нее.

– Ты тоже слегка изменила внешность, – лукаво сказал он. – И, вероятно, по той – же самой причине.

Анна покраснела и отвернулась. Действительно, она подкрасилась больше, чем обычно, и надела темно-розовую блузку вместо обычной одежды светлых тонов. Но это вовсе ничего не означает. Во всяком случае, нет никакого желания производить впечатление на Эдвина Колларда. Она не видела его после той нелепой выходки и поняла, что питает к этому человеку просто отвращение. Ей не нравилась его гипертрофированная самоуверенность, граничащая с откровенной надменностью, не нравилась его поразительная внешность, его обаяние и больше всего не нравились его манеры, то, что он все время досаждал ей, нарушал ее покой. А она была по характеру спокойной и хотела оставаться такой всегда. Подобные мужчины пугали. Они были слишком сильны, слишком умны, слишком самоуверенны. Она же хотела быть всегда в безопасности.

– Так как же? – в обычной для себя манере спросил Джулиус. Эта манера передалась, как теперь увидела Анна, его сыну. – Почему ты оделась в розовое? Этот цвет, по-моему, идет тебе больше всего.

– Просто так, – ответила Анна. Налила себе кофе и села за стол. – Если вам кажется, что это неспроста, значит у вас просто разыгралось воображение.

– Равно как и у тебя минуту назад, – спокойно сказал он, откусив бутерброд. Она взглянула на него со скрытым раздражением.

– Ладно, теперь, когда мы квиты, давайте решим, чем займемся сегодня. Пойдем гулять, а затем вы, как всегда, немного поработаете, или у вас другие планы? Можем сходить в библиотеку. Вы говорили, что вам нужны книги, которых нет в вашей библиотеке.

– И почему же их нет в доме? – глубокий низкий голос заставил их обоих вздрогнуть. Они смутились, и Анна, подняв голову, встретила взглядом с Эдвином.

С каждым разом, подумала она, он выглядит все более привлекательным. Сейчас он явно собирался куда-то: в темно – сером двубортном костюме, который очень шел ему, вид был необыкновенно элегантный.

Тут же в памяти вспыхнуло – «красивым мужчинам нельзя доверять» – совет, который с горечью дала ей мать много лет назад, засевший в голове как мелодия модной песенки.

Джулиус перестал есть и посмотрел на сына. В глазах вспыхнул вчерашний гнев, и Анна поняла, что он так и не смог перебороть себя. Однако Эдвин держался как ни в чем не бывало. Сел во главе стола и посмотрел на них.

– Я думаю, тебе лучше прогуляться, – сказал он спокойно, и Джулиус взорвался:

– Кто ты такой? Думаешь, можешь советовать мне?! Сначала помимо моей воли врывается в мой дом, а теперь учишь меня жить?! Будешь указывать, какие книги я должен читать или что мне носить?!

Эдвин плотно сжал губы, было видно, каких усилий ему стоит оставаться спокойным. Анна посмотрела на него в ужасе.

– И тем не менее я здесь, – тихо сказал он. – Давай лучше перестанем кидаться друг на друга и поговорим, как взрослые люди.

– Нет, не будет этого. – Джулиус швырнул салфетку, вскочил и вдруг медленно осел. Глаза наполнились болью. – Боже! У меня снова будет сердечный приступ, – простонал он, схватившись за грудь, и Анна вскочила в тревоге.

– Сядь на место, – скомандовал Эдвин. – Ничего не случится. Это его обычный способ уйти от неизбежного.

Джулиус ударил кулаком по столу и закричал:

– Перестанешь ты кричать в моем доме или нет?!

Эдвин глубоко вздохнул как раздраженный взрослый, которому не удается справиться с неразумным ребенком. Это разозлило его отца еще сильнее.

– Просто нужно тренировать ноги, и прогулка пойдет тебе на пользу. Это лучше, чем сидеть взаперти. Ничего другого я не имел в виду.

– А позволь спросить, как ты в Италии узнал, что у меня больные ноги?

– Мак-Брайт...

– Предатель, – обреченно проговорил Джулиус. – Шпион. Иуда.

Вспыхнула ли усмешка в холодных серых глазах, или это только показалось? Анна не поняла, Эдвин не выдавал своих чувств.

– А что за труд ты пищешь? – Джулиус посмотрел на сына, затем отвел взгляд и ненадолго задумался.

– Исторические заметки о Брайдвуде, – надменно ответил он. – Если это тебя интересует. Я, наверное, должен быть польщен. Это первая подробность моей жизни, о которой ты спросил. Впрочем, ты не успеешь выйти отсюда, как забудешь об этом. Нет, – тем же надменным тоном он обратился к Анне, – сегодня мы не пойдем в библиотеку. Мне нездоровится. – Он поднялся и направился к двери. Анна встала вслед за ним.

– Так, значит, ты боишься меня? – проговорил Эдвин, и она замерла на месте.

– Прекрати смеяться надо мной, – резко ответила она.

– Тогда сядь и допей кофе.

Он не смотрел на нее, наливая себе кофе, и она заколебалась. Очень хотелось уйти с Джулиусом в кабинет, но ей опять бросили вызов.

Значит, он думает, что она боится? Анна пожала плечами и села.

Теперь, когда Джулиус ушел и они остались вдвоем, ей показалось, что кухня вдруг сделалась меньше и стало жарче.

– Твои волосы снова забраны в пучок, – сказал он, окинув ее взглядом. – Но распущенные идут тебе гораздо больше, хотя должен признать, что сегодняшняя одежда значительно лучше той, в которой я видел тебя в прошлый раз.

Анна вспыхнула.

– Вот почему мне неприятно твое общество, а вовсе не из-за того, что я боюсь. Просто не хочу, чтобы меня непрерывно оскорбляли. – Есть гораздо более приятные способы проводить время.

– Ухаживая за моим отцом? Работая вместе с ним над его историческими заметками? Чрезвычайно занимательно для молодой девушки. Кстати, сколько тебе лет? Восемнадцать? Девятнадцать? – Он поднес чашку к губам и посмотрел на Анну в упор.

– Двадцать три, если тебе это интересно. И должна сказать, что я и вправду нахожу все это занимательным.

– Неужели? Странно. А что ты делала раньше?

Анна заколебалась, стоит ли отвечать. Разговор принимал какой-то странный оттенок. Тон был слишком невинным, и это настораживало. Она уже привыкла в разговорах с ним обороняться, и это внезапное прекращение боевых действий пока было непонятно.

– Я работала в больнице, в травматологическом отделении, – все же сказала она. – В Лондоне.

– И ты ушла, чтобы работать здесь? – Это почему-то страшно удивило его, словно она отказалась от полета на Луну, чтобы помыть голову. Анна снова приготовилась защищаться.

– Разве менять работу – преступление?

– Нет, конечно, не преступление, просто я удивляюсь.

– Теперь последуют выводы о том, что я поступила сюда исключительно из-за денег твоего отца? Я ушла из большого хорошего госпиталя, чтобы переехать сюда? Конечно, на это должны быть причины. Конечно, единственная причина – деньги. Конечно, у Джулиуса Колларда их достаточно. Остается сложить два плюс два, чтобы понять, я, конечно, авантюристка. Так?

Она не собиралась острить, но Эдвин засмеялся, запрокинув голову, и она снова увидела, каким привлекательным он становился, когда исчезало выражение холодной надменности.

Он удивленно смотрел на нее, и она, сама того не желая, тоже улыбнулась. Тут же застучало в голове, и стены кухни надвинулись на нее. Стало жарко и трудно дышать. Или это показалось?

– Разве я не права? – Анна сделала над собой усилие, и все снова встало на свои места.

– Может быть, но это кажется мне удивительным. Я не понимаю тех, кто по собственному желанию уходит с такой работы, где требуется большая отдача, на более спокойную. – Он по-прежнему не сводил с нее глаз, явно стараясь понять. – Разве только человек хочет от чего-то сбежать. – Глаза сузились, как только он так подумал. – Причина в этом? Тебе приходилось скрываться здесь? В одиночестве зализывать раны, как раненому медведю?

Анна не ответила, встревоженная и напуганная тем, насколько верным оказалось это заключение. Разве, поступая на работу в Брайдвуд-хаус, ей не хотелось скрыться от Тони? Разве она не поняла тогда, что необходима перемена, свобода – от матери, от скучно? размеренной жизни? И оставалась она здесь так охотно не потому ли, что нашла в Джулиусе отца? Эти мысли теперь выстроились в голове со всей ясностью. Поразительно, что именно Эдвин Коллард заставил ее задуматься об этом.

– Очень таинственно, – послышался его язвительный голос. Но взгляд у него был совершенно отсутствующий, ему не удалось прочесть ее мысли. – Боже мой. – Он глядел на нее в упор – Уж не думаешь ли ты, что лучшее на свете – это свобода?

– Да, именно так. – Анна усмехнулась.

Эдвин встал и пошел к двери, но остановился и повернулся. Да, он был рожден для успеха. Хитрый, честолюбивый, способный, обязанный в жизни только самому себе.

– Конечно, – тихим, совершенно бесцветным голосом проговорил он. – Я тоже считаю свободу одним из самых больших благ на свете.

– Правда? А что для вас значит свобода? Ходить в сумерках по пустынному пляжу? Танцевать при луне? Сидеть на траве жарким летним днем?

Вдруг она поняла, что он имел в виду! Об этом сказали глаза, и так красноречиво, что она сразу покраснела. Возникла неловкая пауза, но Анна не могла пошевелиться, с ужасом чувствуя, как независимо от воли все ее существо тянется к нему навстречу. Она в смятении опустила взор, а он невесело рассмеялся:

– Вижу, ты подумала о том же, о чем и я, – лениво процедил он, и от этих слов она еще больше покраснела. – Мне бы очень хотелось показать, что именно я имел в виду. – Он взглянул на часы. – Но у меня назначена встреча.

Он коротко кивнул и вышел. Чары разрушились. Послышались затихающие шаги, вдалеке хлопнула дверь, напряжение спало. Анна почувствовала слабость и страшную злость.

Обиднее всего было осознать, что за эти пятнадцать минут Эдвин успел понравиться ей так, как Тони не удалось за всю жизнь, а они знали друг друга с детства. Размышлять об этом не хотелось, и она отправилась в кабинет к Джулиусу. Он отвлечет от невеселых мыслей, как это бывало уже не раз.

Анна вошла в кабинет с мрачным лицом, и Джулиус, сидевший за заваленным книгами столом, удивленно посмотрел на нее.

– Где ты была? – спросил он, впрочем, без всякого недовольства.

– Беседовала с вашим сыном.

– Судя по твоему виду, беседа не из приятных.

– Пожалуй, – коротко бросила она.

– Да, с ним трудно разговаривать, он привык подавлять собеседника. – В тоне невольно кроме осуждения проскользнуло восхищение. Почувствовав это, Джулиус смутился и принялся суетливо рыться в книгах. На том обсуждение Эдвина, слава Богу, прекратилось.

Анна очень надеялась, что Эдвин вернется только к вечеру, когда она уже будет в постели. Но ее ждало разочарование. Знакомый низкий голос послышался в холле, когда они с Джулиусом еще сидели в гостиной за чаем. Перед Джулиусом лежали газеты, которые приходили ежедневно и тщательно прочитывались. Послышался звук шагов, вошел Эдвин, а вслед за ним появилась Эдна с подносом в руках. Она поставила на стол тарелку с бисквитами, еще одну чашку и налила Эдвину чай. Он снял пиджак и сел к столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.